

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельнаго номера 20 к.

Ф А Л А Н Г А

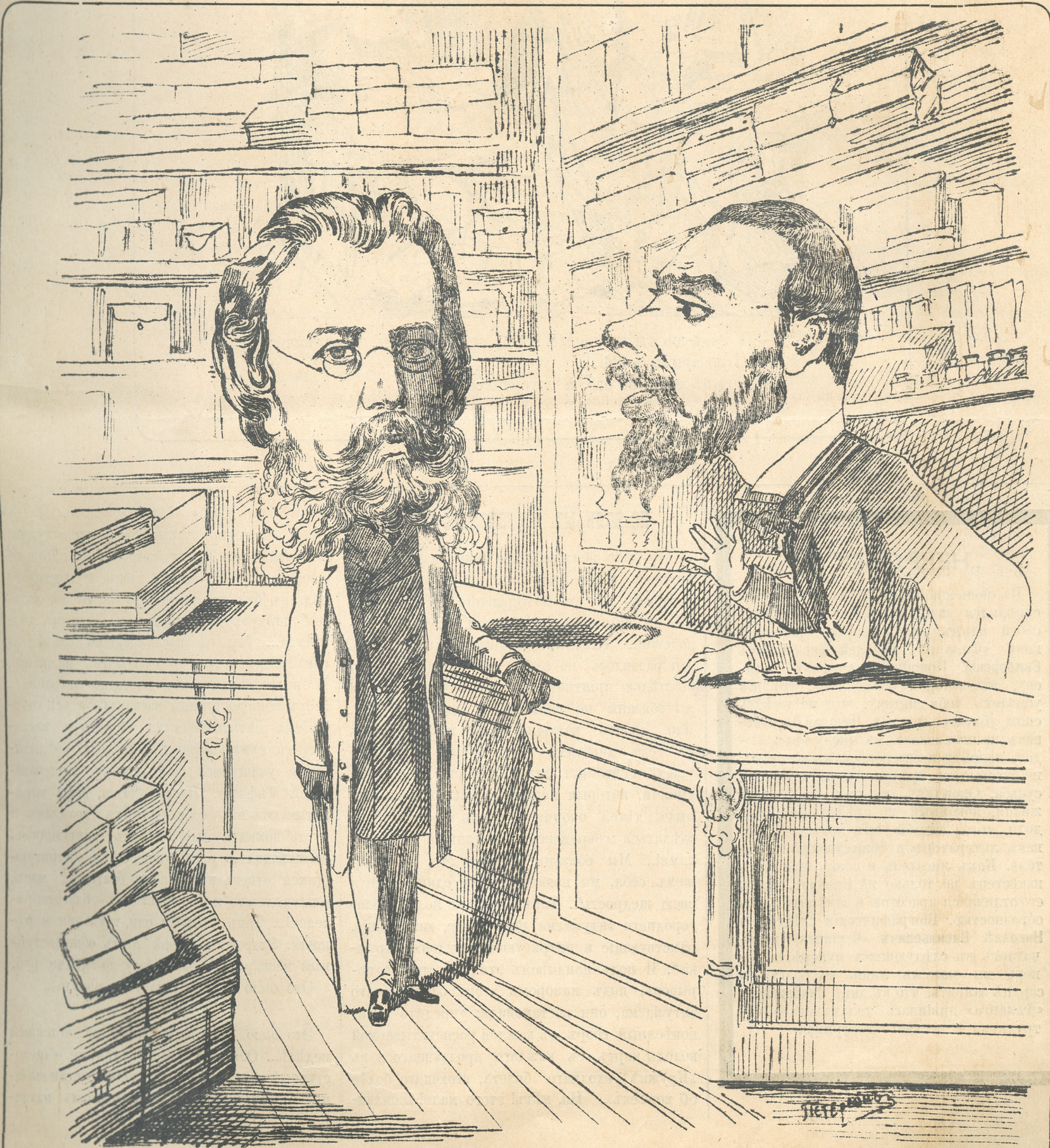
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ. 8 р. 50 к.
 „ 6 мѣсяцевъ.. 4 „ 50 „
 „ 3 мѣсяца. . . . 2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ. 8 р. 50 к.
 „ 6 мѣсяцевъ.. 5 „ — „
 „ 3 мѣсяца. . . . 2 „ 75 „

— Позвольте пузырькъ красныхъ чернилъ.
 — Извините... Вашъ человекъ вчера вьзлъ, для Васъ же, послѣдній. Ожидаемъ новаго транспорта.

— О чемъ-же ты плачешь? Вѣдь, за все время, онъ ничего не подарилъ тебѣ!
— Да мнѣ жаль не его, а потерянное время!...

„НЕКРОЛОГЪ“

Въ ночь съ пятницы на субботу застрѣлился изъ ружья въ квартирѣ своей одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Фаланги», **Николай Васильевичъ Симборскій**. Покойный оставилъ записку, въ которой объясняетъ, что онъ убиваетъ себя потому, что не имѣетъ силы убивать другихъ. **Николай Васильевичъ** принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, таланту и способностямъ которыхъ не позволяетъ проявиться неудавшаяся судьба. Окончивъ дни свои на 31 году жизни, покойный не сдѣлалъ и сотой доли того, что-бы онъ могъ сдѣлать, какъ литераторъ и общественный дѣятель. Какъ писатель и поэтъ онъ былъ извѣстенъ не только на Кавказѣ. Стихъ его отличался красотой и замѣчательною образностью. Біографическія свѣдѣнія о **Николаѣ Васильевичѣ** «Фаланга» напечатаетъ въ слѣдующемъ номерѣ, а теперь мы можемъ лишь съ болью въ сердцѣ заявить, что въ лицѣ **Симборскаго** «Фаланга» лишилась талантливаго сотрудника и честнаго товарища.

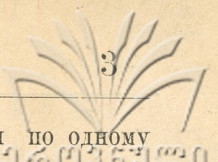
ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

Это было полтора года тому назадъ... Стоялось общее собраніе въ „Кружкѣ“, на которомъ кто то восторженно воскликнулъ: Мы должны помогать бѣдной, учащейся молодежи!.. Должны, должны, должны! какъ эхо раздалось по залѣ... „Собравшіеся здѣсь съ цѣлью пріятнаго препровожденія времени мы обязаны не забывать и добраго дѣла... Что стоитъ каждому изъ насъ бросить въ годъ лишнихъ три, четыре рубля, а между тѣмъ изъ этихъ рублей составятся тысячи, которыя могутъ помочь сотнямъ бѣдныхъ дѣтей окончить курсъ образованія и сдѣлаться современемъ полезными работниками!.. Мы обязаны сдѣлать это; мы покажемъ себя, мы покажемъ свое единодушіе и свою щедрость!.. Такъ кричали полные благороднаго энтузіазма винтующіе, танцующіе, рамствующие и интригующіе члены „Кружка“. И подъ наплывомъ этихъ честныхъ порывовъ, подъ напоромъ этого благороднаго энтузіазма, они постановили: учредить пятикопѣечный сборъ съ каждой распечатываемой колоды картъ, съ cadaго продающагося въ „Кружкѣ“ входнаго билета, стоящаго болѣе 50 копѣекъ... Но, нѣтъ! этого мало! восклик-

нули благородные благотворители... Мы будемъ ежегодно устраивать общедоступный маскарадъ, во время котораго каждый входящій въ „Кружокъ“ членъ и кандидатъ обязанъ будетъ платить рубли; рубли, которые пойдутъ имъ же, нашимъ бѣднымъ учащимся... Мы съ наслажденіемъ сами себя связываемъ этимъ добровольнымъ налогомъ. И постановили они: ежегодно устраивать этотъ общедоступный маскарадъ и всѣ собираемыя пятикопѣечнымъ сборомъ и маскарадомъ суммы распредѣлять между бѣднѣйшими учащимися среднихъ учебныхъ заведеній Тифлиса. Пусть учатся, пусть вырабатываютъ изъ себя честныхъ гражданъ и пусть помнятъ насъ, своихъ винтующихъ, танцующихъ, рамствующихъ и интригующихся отцевъ и старшихъ братьевъ; насъ, благородныхъ и безкорыстныхъ благотворителей!... Такъ говорили они, такъ они и рѣшили. Устроился вскорѣ этотъ общедоступный маскарадъ и далъ сбору до тысячи руб.
Это было полтора года тому назадъ!..

* * *

Это было въ понедѣльникъ на истекшей недѣлѣ... Объявленъ былъ тотъ же общедоступный маскарадъ, благородно установленный благороднымъ общимъ собраніемъ; назна-

чена была та самая плата за входъ съ господъ членовъ и кандидатовъ, которая установлена была по общему безкорыстному согласію, какъ добровольный налогъ съ цѣлью честнаго, добраго дѣла... Словомъ наступилъ именно тотъ „разъ въ году“, когда они хотѣли жертвовать нѣсколько рублей бѣднѣйшимъ учащимся Тифлиса. Гремѣло два оркестра музыки, блестяли сотни лампъ и свѣчей, ожидали спроса тысячи карточныхъ колодъ, но благородные члены благотворители въ „Кружокъ“ не явились. Уныло бродили по пустыннымъ заламъ до 40 кавалеровъ, по преимуществу не изъ членовъ и не изъ кандидатовъ „Кружка“; какъ тѣни скользили изъ угла въ уголъ обманутыя въ своихъ ожиданіяхъ замаскированныя дамы; угрюмо стояли не занятые карточные столы; журналы и газеты тщетно ожидали своихъ обычныхъ читателей; хранили на кухнѣ повара, дремали въ билiardной маркеръ и не догадливыя экономя съ грустною ироніей смотрѣли на длинную карточку приготовленныхъ блюдъ. Всѣ, кто ежедневно приходитъ въ „Кружокъ“ и проигрываетъ въ карты до сотни рублей; всѣ, кто по два раза въ недѣлю съ самопожертвованіемъ вывертываетъ ноги, лакируя кружковскій паркетъ; всѣ, кто каждый вечеръ какъ тѣнь бродитъ по заламъ, подмѣчая грошовыя упушенія; всѣ, кто цѣлые часы катаетъ билiardные шары или думаетъ надъ шахматнымъ ходомъ; всѣ кто кричалъ на общемъ собраніи о своемъ сочувствіи къ доброму дѣлу... всѣ... въ этотъ „одинъ разъ въ году“ пожалѣли дать два рубля бѣднѣйшимъ учащимся Тифлиса... Такъ зачѣмъ же было общать?.. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ было пускать весь этотъ фейерверкъ пышныхъ фразъ?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь общать и не дать—это всё равно, что отнять. Каждый членъ «Кружка», каждый его обмычный посяватель, не пожелавшій явиться въ этотъ вечеръ въ „Кружокъ“, онъ отнял два рубля у бѣднѣйшихъ учащихся Тифлиса. И такими отнявшими были всѣ, потому—что никто не пришелъ. Ни одной колоды картъ не было распечатано въ этотъ вечеръ тамъ, гдѣ ихъ ежедневно распечатывается цѣлая масса. А господа педагоги?.. Гдѣ вы были въ этотъ вечеръ, въ какихъ комнатахъ играли въ карты?.. Вѣдь кажется цѣль этого вечера ближе всѣхъ должна была быть вашему сердцу. И вдругъ... ни одного, буквально ни одного, представителя нашего учебнаго вѣдомства! Похвально, господа, очень похвально!.. А члены то «Кружка»... бѣдные... на одинъ вечеръ лишены были крова... Гдѣ они, несчастные, осиротѣлые, играли въ этотъ вечеръ въ карты?.. Гдѣ?.. Вѣдь гдѣнибудь непременно играли... разорились бѣдненькіе, на освѣщеніе собственныхъ своихъ квартиръ... Прогнали ихъ на этотъ вечеръ изъ излюбленнаго клуба... За что?.. Вдругъ по два рубля за входъ, въ пользу какихъ то учащихся... „Ну, вотъ, мы сговорились и не

пришли... Ага!.. Что взяли?!. Вотъ вамъ и кукишъ съ масломъ съ вашею благотворительностью“!..

Но, однако, позвольте, господа... вѣдь вы же сами всё это устроили... Вѣдь вы же сами тогда на общемъ-то собраніи энтузіазмомъ горѣли... Вѣдь вы съ тѣхъ поръ и сапоговъ еще не износили... Вѣдь такъ нельзя!.. Нельзя!.. Объявлять тринадцать безъ козырей и потомъ сейчасъ же, не начиная игры, говорить такой дружный пассъ... Вѣдь кто же могъ знать, что вы это такъ только, на словахъ, храбрились; хотѣли показать себя героями, да и сейчасъ же въ кусты... Кто же могъ это знать?.. Вѣдь вотъ экономя „Кружка“ и предусмотрительный человекъ, а и тотъ не догадался... громадный ужинъ заготовилъ... Ну, вотъ теперь „Кружокъ“ на этомъ общедоступномъ маскарадѣ понесъ чистый убытокъ... Слѣдуетъ собрать общее собраніе и постановить: распределить этотъ чистый убытокъ между бѣднѣйшими учащимися среднихъ учебныхъ заведеній Тифлиса. Ай, да члены благотворители, полные горячаго энтузіазма!.. Позоръ, господа; очень большой позоръ!.. Такъ таки вотъ просто стыдно, да и только!.. Понимаете ли вы?... Стыдно!.. Это было... недѣлю тому назадъ!!!

* *

Въ тотъ самый вечеръ, когда въ „Кружкѣ“ блестялъ своею пустою общедоступный маскарадъ въ пользу бѣднѣйшихъ учащихся, въ театрѣ тысячи рублей летѣли къ дорогимъ ногамъ любимицы Тифлисскаго публичнаго примадонны Э. К. Павловской. Былъ ея прощальный бенефисъ. Цвѣты и брилліанты дождемъ лились на талантливую артистку; шумнымъ оваціямъ не было конца и этотъ бенефисъ во всѣхъ отношеніяхъ превзошелъ грандіозный бенефисъ той же артистки, бывшій въ началѣ сезона. Въ данномъ случаѣ было объявлено тринадцать съ козырями и игра была разыграна до конца превосходно. У выхода изъ театра артистку встрѣтила благодарная толпа; раздались крики, шумъ и привѣтствія; зажглись бенгальскіе огни и умиленно воспламенились даже сердца жандармовъ и городовыхъ. Публика выпрягла лошадей изъ кареты артистки, публика сама себя осѣдлала, сама надѣла на себя хомуты, сама виригла себя въ карету и дружно, повезла свою любимицу домой. Говорятъ, что будто этотъ именно бенефисъ оправдываетъ отчасти ту пустоту, которая блистала на общедоступномъ маскарадѣ въ „Кружкѣ“.

* *

Въ прошлое воскресенье „Тифлисскаго Собраніе“ раскошело и устроило „Общедоступный Маскарадъ“ въ пользу бѣднѣйшихъ воспитанниковъ городского ремесленнаго училища. Члены установили такой же налогъ, какъ и въ „Кружкѣ“, т. е. съ каждаго члена и кандидата Собранія въ этотъ

вечеръ за входъ въ клубъ брали по одному рублю. Разница оказалась только въ томъ, что члены „Кружка“ рѣшили пожертвовать на доброе дѣло, но не пожертвовали, а члены Собранія сдержали свое обѣщаніе, явились всѣ въ Собраніе и заплатили по рублю; народу было до двухъ тысячъ и собрана длялаго дѣла весьма почтенная сумма. Въмѣсто красивыхъ фразъ и либеральныхъ рѣчей тутъ были чистыя денежки. Господа просвѣщенные и щедрые чиновники, винтующіе въ „Кружкѣ“, вамъ бы въ дѣлѣ истиннаго сочувствія добрымъ цѣлямъ не мѣшало бы иногда брать примѣръ съ непросвѣщенныхъ и скуныхъ коммерсантовъ, винтующихъ въ Собраніи.

НЕПРОЧНАЯ ОБУВЬ.

Я сапоги ужъ износилъ...

Подошвы нѣтъ, каблукъ скривился...

Въ тотъ самый день, когда женился,
Когда въ законный бракъ вступилъ,

Я ихъ купилъ.

Мнѣ по ногѣ они пришлись,

Я ихъ отдѣлкой восторгался...

Съ кунцомъ въ цѣнѣ мы вдругъ сошлись
И я совсѣмъ не торговался;

Въ тѣхъ сапогахъ я въ храмъ явился,
Ихъ скрипъ невѣсту пробудилъ...

Подошвы нѣтъ, каблукъ скривился,

Я сапоги ужъ износилъ.

* *

Я сапоговъ тѣхъ не спиналъ

Покуда мѣсяцъ шелъ медовый,

Я счастливъ былъ и съ страстью новой
Жену—лишь вечеръ наступалъ—

Я обнималъ.

Блаженству не было конца!

Мы полнымъ счастьемъ наслаждались,

Любовно бились въ насъ сердца

И въ поцѣлуды уста сливались!..

Годъ миновалъ... Я измѣнился,

Кумиръ мнѣ прежній ужъ не милъ...

Подошвы нѣтъ, каблукъ скривился,

Я сапоги ужъ износилъ.

* *

Во мнѣ любви теперь ужъ нѣтъ

И отъ жены я отвернулся,

Но первый кто изъ насъ споткнулся,
Любви нарушивши завѣтъ,

Пусть судить свѣтъ...

Изъ мягкой лайки башмаковъ

Она еще не износила,

Когда погасла въ ней любовь

И мнѣ плутовка измѣнила.

А я... предъ нею провинился

И ей тогда лишь измѣнилъ,

Когда каблукъ совсѣмъ скривился

И сапоги я износилъ.

Горесмѣхъ.

Учитель. Чѣмъ жаркое жарить?
 Ученикъ. Маслою
 Учитель. Дуракъ, не маслою, а маслами. Чѣмъ бѣлье моють?
 Ученикъ. Милами
 Учитель. Осель, не милами, а милою.

НА ЗУБЪ.

Въ №№ 38 и 39 газеты напечатана большая, передовая и не простая, а „серіозно...озная“ статья, посвященная разбору нашего журнала. Съ одной стороны эта «серіозная» статья по величественности своего слога напоминает всѣ прочія передовыя статьи той же газеты, съ другой— «серіозное» сочиненіе ученика 5-го класса на тему: «о различіи Кіевскаго и Новгородскаго цикловъ русскихъ былинъ». Статья эта настолько куріозна своею серіозностью и желаніемъ «разсуждать какъ большой», что мы охотно всю бы ее напечатали въ нашемъ «альбомѣ курьезовъ», но къ сожалѣнію статья слишкомъ длинна и мы должны ограничиться лишь перепечаткою нѣсколькихъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ.

Г. редактору газеты ... очень не нравится «Фаланга», главнымъ образомъ потому, что «Фаланга» эта слишкомъ уже часто залѣзаетъ въ административныя сферы. «Фалангу» указанная передовая статья называетъ журналомъ пасквилей и находитъ, что ни слово „юмористическій“, ни слово «сатирический» не подходятъ

къ нашему бѣдному органу. По этому то поводу авторъ статьи и начинаетъ слѣдующимъ образомъ разсуждать какъ большой:

Подумаемъ на минуту о томъ, что принято разумѣть подъ словомъ юморъ и что такое юмористическое произведеніе печати.

Затѣмъ пинька-мальчикъ открываетъ любой изъ лексиконовъ иностранныхъ словъ, или же учебниковъ словесности и оттуда, задумавшись на минуту, глубокомысленно выписываетъ.

Юморъ, отъ латинскаго слова humor, первоначально означаетъ влажность или жидкое состояніе. По мнѣнію древнихъ врачей, отъ правильнаго распредѣленія жидкости въ человѣческомъ тѣлѣ зависѣло душевное и физическое благосостояніе человѣка, т. е. то, что называется бодрое, веселое расположеніе духа. По отношенію къ печати, выраженіе „юмористическое произведеніе“ появилось впервые въ концѣ XVIII вѣка и съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе называть юмористическими такія произведенія печатнаго слова, въ которыхъ добродушно осмѣиваются человѣческія глупости, слабости, и недостатки, причѣмъ тутъ играетъ главную роль шуточный, забавный, смѣшной комизмъ, всегда не чуждый нѣкотораго добраго, гуманнаго сочувствія къ предмету насмѣшки.

Ну, развѣ не слѣдуетъ поставить 5+

за все это разсужденіе. Вѣдь сколько тутъ знанія и начитанности... вѣдь маленький мальчикъ, а какъ хорошо знаетъ. Фунтъ яблочковъ въ награду слѣдуетъ дать. Мы увѣрены, что еслибъ этотъ пинька-мальчикъ подумалъ бы не одну, а двѣ минуты, то онъ непременно бы написалъ: „юморъ есть имя существительное мужскаго рода, отвлеченное; въ родительномъ падежѣ будетъ— „юмора“; въ множественномъ числѣ не употребляется. Если-бы затѣмъ пинька-мальчикъ подумалъ бы еще и третью минуту, то онъ бы понялъ, что если слово „юморъ“ означаетъ собою влажность и жидкое состояніе, то самую юмористическую газету надо признать газету „Кавказъ“, ибо ни въ одной газетѣ нѣтъ столько воды, какъ именно въ „Кавказѣ“. Что-же касается до того, что будто мы не имѣемъ гуманнаго сочувствія къ предмету насмѣшки, то что дѣлать? Въ этомъ каемся и впередъ обѣщаемъ, что когда будемъ писать о литературствѣ, въ отчетахъ о засѣданіяхъ городской думы, о нелѣпостяхъ въ театральныхъ рецензіяхъ по поводу оперъ, которыхъ рецензенты никогда не видѣли, то при этомъ мы

всегда не иначе будемъ говорить какъ „миленькій г. Кобяковъ“.

Затѣмъ пинька-мальчикъ, вызубривъ великолѣпно элементарный учебникъ словесности, пишетъ о сатиры:

Но достаточно и одной минуты размышленія. Это уже вторая минута, чтобы признать, что въ нашей печатной „Фалангѣ“ нѣтъ рѣшительно ничего сатирическаго. Въ самомъ дѣлѣ, сатира, основанная Луциліусомъ и развитая Горациемъ, Персіусомъ и Ювеналомъ, есть такой родъ литературы, въ которомъ бичуются и осмѣиваются общественные пороки и недостатки даннаго времени... Сатира бичуетъ дурные нравы, вредныя заблужденія, гнусныя страсти и всяческія человѣческія слабости и несовершенства. Сатириками были Вольтеръ, Шенье, Беранже, Филшортъ, Гейне, Свифтъ, Понне, а изъ нашихъ русскихъ писателей—Гоголь и Грибоѣдовъ; мы имѣемъ и теперь даровитаго сатирика нашихъ нравовъ въ лицѣ Щедрина;

Хорошо-съ, очень хорошо-съ.. Ну, а не знаете-ли вы кто былъ русскимъ сатирикомъ до Грибоѣдова и Гоголя?... Ну, не робейте, скажите... тоже писалъ сатирическія комедіи... ф... ф... ф... фонъ, фонъ, фонъ... в... в... в... Виз... не знаете?..

Фонъ-Визинъ.... онъ написалъ комедіи... Какія?... да не робейте... подумайте еще 2 минуты, не знаете? „Бригадиръ“ онъ написалъ, „Недоросль“ онъ написалъ... Не знали?... Ну, ничего... должно быть двѣ странички вмѣстѣ перевернули и пропустили... все таки вы хорошо отвѣчали... Идите къ папашѣ и мамашѣ и скажите, что я вамъ пять поставилъ.

Вѣдь эдакій право съ виду... мальчикъ, а вѣдь какъ хорошо написалъ!... хорошо учится... и смиренный мальчикъ, отличнаго поведенія. Никому изъ начальства никогда ни одинаго неприятнаго слова не сказалъ. Последнему надзирателю и тому въ поясъ кланяется. Отъ товарищей ему бѣдному сильно достается: потому, нѣтъ, нѣтъ, да и шепчетъ что нибудь воспитателю, пожалуется и передастъ, ну и бьютъ за это.

Указанная нами передовая статья въ газетѣ такъ понравилась редактору „Кавказа“? что онъ перепечаталъ ее въ № № 38 и 39 „Кавказа“. Затѣмъ-съ, миленькій г.... сообщаетъ радостную вѣсть о томъ, что „Фалангѣ“ грозитъ процессъ по обвиненію ея въ диффамаци. Будетъ ли или не будетъ подобный процессъ мы еще ничего не знаемъ; вамъ это, разумѣется, лучше знать, но что касается до обвиненія васъ, миленькій г. Кобяковъ Горбовскимъ-Зарнекъ въ клеветѣ, то по этому поводу вы уже были на этой недѣлѣ вызваны мировымъ судьей, но по неизвѣстной намъ причинѣ не явились въ судъ. Чѣмъ говорить о никому невѣдомомъ процессѣ „Фаланги“ не лучше ли было бы быть менѣе забывчивымъ по отношенію къ своему собственному процессу....

ВСЕ НИПОЧЕМЪ!

(Изъ Беранже).

Поперекъ и вдоль вселенной
Все идетъ какъ на авось,—

Вкрьвь и вкось:

Дышетъ женщина измѣной,
Во взысканьяхъ кредиторъ

Слишкомъ скоръ,

И во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ:
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Всѣ, кому мила мадера,
Опечалены молвой

Роковой:

Появилась филоксера
И побилъ весь виноградъ

Сильный градъ!

Такъ во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ:
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Чуть платежъ какой просрочишь,
Глядь, ужъ приставъ самъ идетъ!

Онъ не ждетъ!..

Тутъ не только долгъ уплотишь,
Но, продавъ послѣдній шкафъ,

Платишь штрафъ!

Такъ во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ:
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Нѣтъ веселья безъ невзгоды:
Сѣли выпить вы рядкомъ

Въ шестеромъ,—

Вы еще „на первомъ взводѣ“,
А ужъ двое подъ столомъ

Спать рядкомъ!

Такъ во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ:
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Съ «душкой» связь—одно стѣсненье!
И вдвойнѣ несчастливъ я

Былъ съ двумя!

Что же было за мученье,
Какъ завелъ я разомъ трехъ—

Знаетъ Богъ!!

Такъ во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ:
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Мизантропія идея
Мнѣ, веселому пѣвцу,

Не къ лицу;

Но, о трезвости, радѣя,
Вижу: выпито давно

Все вино!!

Такъ во всемъ судьба плутуетъ!
Но кто пьянъ, тотъ не горюетъ,—
Все ему—за виномъ—

Нипочемъ!

Иванъ-да-Марья.

НАМЪ ПИШУТЪ

Изъ Гори. Положеніе горійцевъ въ настоящее время хуже губернаторскаго: они ходятъ точно ошатѣлые и по всемъ закоулкамъ отыскиваютъ чиновника, который бы за сходную цѣну согласился быть у нихъ городскимъ головою.

Какъ извѣстно, въ декабрѣ прошлаго года истекъ срокъ службы назначеннымъ правительствомъ лицамъ на должности городскихъ головъ и съ новаго года должны были состояться выборы на слѣдующее трѣхлѣтіе, какъ гласныхъ, такъ и членовъ управы.

Между тѣмъ, какъ почти по всему Закавказью состоялись городскіе выборы, одинъ только Гори не можетъ закончить выборовъ да и только...

Пока только состоялись выборы по второму и третьему разрядамъ, да и тѣ обжалованы за допущенныя во время выборовъ неправильности. Оказывается, что горійцы отнеслись къ этому серьезному дѣлу слишкомъ по семейному. Нѣсколько человѣкъ выстроились около избирательныхъ урнъ, какъ часовые и указывали избирателямъ куда класть шары.

Благодаря этому маневру въ число гласныхъ этихъ двухъ разрядовъ попали болѣею частію люди, которыхъ все достоинство заключается въ отсутствіи мыслительныхъ способностей.

До сихъ поръ сами горійцы осуждали прежній составъ думы, которую нѣкоторые зубоскалы прозвали бездумною, а теперешними выборами горійцы доказали, что они только умѣютъ зубоскалить и только.

Умилительное зрѣлище представлялъ прежній составъ горійской думы!

Вотъ на скамьяхъ сидятъ господа гласные, изъ которыхъ большая часть не знакомы вовсе съ русскимъ языкомъ, а рѣчистый городской голова поетъ соловьемъ и забрасываетъ гласныхъ, которымъ изъ русскаго лексикона знакомы только нѣсколько словъ въ родѣ: сыръ, водка (которую они на своемъ грузино-русскомъ жаргонѣ называютъ откой) мудреными для нихъ словами: экплатация, синекюра, абсолютно и т. д., во вкусѣ С. Арцруни.

Несчастные гласные только хлопаютъ ушами во время этого словоизверженія и утверждаютъ предложеніе головы, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ скучнаго дѣла и отправиться домой ужинать, гдѣ ихъ ожидаетъ прекрасный лобъ съ приличною порціею хидиставскаго вина.

Видно примѣръ прошлаго ничему не научилъ горійцевъ, иначе они не отнесли бы къ выборамъ съ такимъ постыднымъ легкомысліемъ.

Выборы перваго разряда вовсе не состоялись по неувѣѣ избирателей, которыхъ всего 19 человѣкъ.

И тутъ не обошлось безъ подвоховъ: оказывается, что одинъ изъ вліятельнѣйшихъ избирателей этого разряда мѣтитъ на мѣсто городского головы, чтобы округлить пріобрѣтенія, сдѣланныя его папашей на счетъ города и вида, что это ему не удастся, такъ какъ цѣлый городъ противъ этого избранія, онъ счелъ за лучшее оттянуть выборы этого разряда на безконечное время въ надеждѣ сломить этимъ упорство горійцевъ.

— У Вашего коня нѣтъ головы!

— Ничего, братецъ, я и безъ головы могу играть!

Однимъ словомъ Гори съ его интересами сдѣлался игрушкой для разныхъ проходимцевъ: всѣ мѣтятъ на мѣсто городского головы, всѣмъ хочется присоединиться къ горійскому сундуку и для достиженія этой цѣли не брезгаютъ никакими средствами.

Нѣтъ въ Гори такого червяка, который не считалъ-бы себя способнымъ и достойнымъ для занятія мѣста головы, или по крайности члена Управы съ содержаніемъ. Въ числѣ искателей попадаются бухгалтеры, пристава, квартальные, писцы и т. д.

Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, если горійцы выберутъ себя голову изъ этого разряда лицъ.

Еще неизвѣстно, каковъ будетъ составъ будущей думы, но чиновники такъ глубоко убѣждены, что при всякомъ составѣ горійцы не могутъ обойтись безъ нихъ, что заранѣе входятъ въ переговоры съ горійскими коноводами и заламываютъ громадную сумму въ надеждѣ добиться въ послѣдствіи хоть не большой.

Вотъ вамъ и выборы, вотъ вамъ городское самоуправленіе, господа, полюбуйте! Не правда ли красиво?....

ШУТКА ГИМЕНЕЯ.

Увы, сдѣлавъ непостояннымъ
 И часъ покоя сдѣлать свѣтъ!
 Я помню (былъ я мальчуганомъ
 Тогда пяти—не больше—лѣтъ):

Когда мои смыкались очи,
 Меня водила няня спать,
 И каждый разъ „спокойной ночи“
 Желала мнѣ старушка—мать.

Прошли дни смѣха и забавы!
 Давно я вышелъ изъ дѣтей,
 И шутку зловную лукавый
 Сыгралъ со мною Гименей.

Въ моемъ дому отъ Митродоры
 (Моей супруги) часа нѣтъ
 Безъ плача, ругани и ссоры...
 Постылымъ сталъ мнѣ бѣлый свѣтъ.

Въ день каждый праздника Господня
 Молитвы шлю я изъ груди:
 „Господь, меня ты хоть сегодня
 Спокойнымъ утромъ награди“!!..

Гейне изъ Харькова.

СЪ НАЛЕТА.

ВО ВСѢХЪ СТАТЬЯХЪ ДЕРЖА „ФАЛАНГУ“
 ПРИЛИЧНО ЗВАНІЮ И РАНГУ,
 ЕЕ ТО НАДО СТРИЧЬ, ТО БРИТЬ,
 ЧТОБЫ ЦЕНЗУРЪ УГОДИТЬ.

**

И ПРЕЖДЕ ЧѢМЪ ПОЙТИ ПО СВѢТУ,
 ПРИШЛОСЬ НЕВОЛЬНУЮ ДІЕТУ,
 ЕЙ ПЕРЕДЪ МАСЛЯНОЙ ДЕРЖАТЬ
 И ПОНЕВОЛЬ ИСКХУДАТЬ!

РАЕШНИКЪ.

Ай, масляница широкая, бочка глубокая, недѣля не длинная, да за то блинная. Господчики сюда подходите, да панораму смотрите, пяточки несите. Панорама моя новая; не больная здоровая; тутъ всякія картинки и разныя новинки. Рисоваль ихъ самъ Джустичь, идите-жь не трусьте.

По порядку господа, по порядку!... Начинаю...

Вотъ комната большая, тутъ дума городская; стоятъ кругомъ скамейки, съѣсть на нихъ помѣй-ка; усѣлись тутъ все гласные и желтые и красные, здоровые мужчины, а голова у нихъ Матиновъ; есть тутъ и малые, все руки жмутъ Измайлову. Одинъ напелся гласный, съ виду оупъ ужасный и человекъ зубастый, сказалъ всѣмъ гласнымъ: баста! Задамъ я вамъ ревизію, пошлю на васъ дивизию.

Зарапортовался, значить... изъ легенькихъ!...

Поворачиваю.

А вотъ портретъ не простъ, пѣвецъ вамъ во весь ростъ; румянецъ во всю щеку; красивый и прямо онъ и съ боку; никому не вѣрить, все больше лицемѣрить. Ой, барышни и дамочки, держитесь крѣпче мамочки, безъ толку не влюбляйтесь, мужьямъ роговъ не наставляйте. Красивый мущина, просто хватъ дѣтина. А зовутъ его Лодій, поетъ много мелодій.

Уѣзжаетъ скоро. Жалѣемъ—съ...

Поворачиваю.

Вотъ смотрите зала длинная, тутъ публика сидитъ невинная: усѣлись очень густо и въ головахъ у нихъ не пусто. Тутъ говорятъ не умолкаютъ, вопросы разрѣшаютъ о томъ какіе брюки надѣть имъ ради скуки. Одинъ сказалъ: безъ мѣры я люблю брюки сѣрые; другой же въ дни ненастные, надѣнетъ и красные. Дѣломъ занимаются!

Поворачиваю...

А вотъ вамъ та жезала, но лишь во время бала. Совсѣмъ ужъ тутъ не густо, а просто очень пусто. Для бѣдныхъ балъ устроили, а посѣтить не удостоили. Для нашей значить публики дороги ужъ очень рубрики. Буфетчикъ убивается, товаръ не разбирается.

Ученики бѣдные виноваты!

Поворачиваю.

А вотъ вамъ просто хватъ, извѣстный адвокатъ. Пушаетъ все нападки на судебные порядки. Онъ пишетъ очень жарко, да не приклеиваетъ марки; а, братецъ мой, безъ марокъ, хоть будь ты очень жарокъ, писаній не принимаютъ и вниманья не обращаютъ. На прежніе порядки всѣ ужъ очень падки шпропадутъ твои нападки; зря не бросай перчатки.

Лучше дѣломъ займись!

Поворачиваю.

А вотъ вамъ артистическій, залъ тутъ гимнастическій; Лопесъ негръ ахтителъ-

ный, залъ устроилъ восхитительный. Молодчиковъ онъ мучить и разнымъ штукамъ учить: какъ спины сгибать, на заднихъ ножкахъ стоять, хвостомъ вилять, съ мѣста на мѣстѣ летать, у другихъ куски отнимать. Какъ по стрункѣ ходить, пестры ленты ловить, другимъ ножки подставлять, а себя самихъ поднимать.

Многіе господа обучаются.

Поворачиваю.

А вотъ—съ актриса армянка, не наша иностранка. Платокъ къ глазамъ подносить, благословенья просить, не у папаша и мамаша, а у публики нашей, говорить: „теперь я и сама ужъ хотѣла-бы очень замужъ. Меня вы не браните и подъ вѣнецъ пустите“. А публика не хочетъ, кричитъ, оретъ, гогочетъ. Не будешь ты невѣстой, лишимъ тебя мѣста, коль будешь ты не Веста.

Такъ и не позволили сиротинушкѣ. Строгие!

Поворачиваю.

А вотъ народъ бунтуется, пѣвицею любитъ; кричитъ толпа колыхается, въ карету запрягается; огни кругомъ зажигаются; всѣ празднику удивляются; ликуютъ и хохочутъ, деньги ногами топчутъ.

Денегъ у насъ много; страна богатая. Хороша картинка, да послѣдняя. Закрываю.

ЗА ДОБЫЧЕЙ.

На этотъ разъ я хочу обратить ваше вниманіе на нашихъ менторовъ. „Откровенный органъ“ г. Суворина, подсмѣивающійся всегда надъ тѣми, кто видитъ „новую силу“ въ провинціи доказалъ вполне ясно, что провинціальной печати далеко до столичной! До такой разнузданности „свободы“ слова въ Россіи еще никто не доходилъ; органъ поблекшаго фельетониста, превзошелъ „порнографическія“ произведенія парижскихъ литераторовъ. Мы говоримъ о скандальномъ процесѣ г-жи Кашеваровой - Рудневой, обвинявшей гг. Поликарпова, Буренина и Баталина въ „диффамаци“. Защитникомъ г-жи Рудневой явился, извѣстный тифлисской публикѣ по кутаисскому процессу евреевъ г. Александровъ, „знаменитый защитникъ Засуличъ“ какъ принято его называть. Для тѣхъ, кто не знакомъ съ ходомъ процесса мы расскажемъ въ двухъ словахъ его суть. Въ прошломъ году въ „Новомъ Времени“ былъ помѣщенъ фельетонъ подъ заглавіемъ „Докторъ Самолюбова-Самохвалова“, въ которомъ описывалась интимная жизнь извѣстнаго мадамъ-доктора Кашеваровой-Рудневой. Авторомъ фельетона оказался отверженный „аманъ“ докторши штабсъ-капитанъ Поликарповъ. Разсказъ этотъ до того возмутилъ общественное мнѣніе, что газета прекратила печатаніе продолженія. Казалось бы что и конецъ этому „скандальному эпизоду“, такъ какъ г-жа Кашеварова - Руднева была нравственно удовлетворена общественнымъ негодованіемъ; но къ сожалѣнію ей

пришла несчастная мысль представить автора и редактора судебнымъ порядкомъ. Въ первый разъ со времени открытія гласнаго судопроизводства разбирался при открытыхъ дверяхъ такой скандальный процессъ! Храмъ Оемиды на время превратился въ храмъ сквернословія; беззащитная „теорія обмѣна амановъ“, опиравшаяся на фзіологическихъ потребностяхъ „нѣкоторыхъ женщинъ“ и проповѣдуемая г-жей мадамъ-докторомъ Кашеваровой-Рудневой, выступила на сцену, и досталось же почтенной докторшѣ на орѣхи; все было выяснено на судѣ съ „реализмомъ Зола“ и грязныя юбки и не чистые рукавички, и замаранныя манжеты и „флешю“ и прочія принадлежности женскаго туалета. Г-жа Кашеварова могла смѣло повторить одну народную грузинскую пѣсню:

Говорила я тебѣ свекровь,
Не посылать меня на мельницу!
Тамъ встрѣтятъ меня мужчины
И „skonфузятъ“ меня!

И сконфузили же, въ самомъ дѣлѣ эти мужчины ее! По увѣреніямъ г. Буренина, даже самъ защитникъ ея, г. Александровъ подтрунилъ надъ ней, назвавъ ея «лакомой вдовою». На судѣ г. Александровъ показалъ по истинѣ великій талантъ, на счетъ „пробирания“ или „задѣванія“. Вотъ подлинная характеристика „представителей“ нѣкоторой части печати, сдѣланная на судѣ г. Александровымъ:

„Я спрашиваю: кто дѣятели нѣкоторыхъ органовъ печати? Сбѣжавшіе отъ науки студенты, художники, свободные отъ всѣхъ приличій, отъ всякихъ стѣсненій порядочностью и добросовѣстностью. Люди, отчисленные отъ штата сыскной полиціи и оттуда прямо махнувшіе къ редакторскому пульнику; люди, пристыгнувшіеся къ печати въ качествѣ посаженныхъ отцовъ литературнаго брака; люди, которые дали свое имя хозяевамъ, не могшимъ выправить патента на собственное имя. . . . И вотъ такія то лица наполняютъ свои органы статьями такъ-называемаго обличительнаго характера; свои литературные подвиги возводятъ въ дѣло публицистскаго отрицанія всякой лжи, лицемѣрія, белетристическаго изобличенія всякой фальши, реального изображенія морально предосудительныхъ поступковъ общественныхъ личностей. На ихъ знамени написано: „обличительная литература“. Но не фальшиво ли это знамя и по праву ли они его захватили? Если потереть на ихъ собственномъ знамени эту почетную надпись „обличительная литература“, то подъ нею вѣроятно, обнаружится совсѣмъ другія слова и вмѣсто „обличительная литература“ мы прочитаемъ болѣе идущія къ ихъ дѣятельности слова: „Литература сплетни и скандала, литература портерной и мелочной лавки, литература балагана и.“!!

Какъ ни силился г. Буренинъ подражать тону г. Александрова, но никакъ это ему не удавалось; предсѣдатель не давалъ ему открывать рта. Буренинъ объясняетъ это тѣмъ, что г. Гершельтъ, предсѣдатель суда, вѣроятно «жидъ» и потому пристрастенъ къ нему, какъ къ сотруднику газеты, бичующей „жидовъ“. Но г. Буренинъ не смутился: „Я разумѣется понималъ, говоритъ онъ въ

фельетонъ, „Защитникъ лакомой вдовы“, изъ примѣра, преподаннаго мнѣ во очю г. Александровымъ, что обнаружъ я наглость и мѣлолюбіе и я, такъ сказать, обойду предѣлательскую власть... Къ тому же я думалъ, что мнѣ не для чего ораторствовать тутъ, въ судѣ; у меня есть другая кафедра газета. И воспользовался же „вольнѣ“ своей кафедрѣю г. Буренинъ; его статья объ Александровѣ, можетъ считаться верхомъ ругани! Не отсталъ отъ него и г. Баталинъ, этотъ „отчисленный отъ штата сыскной полиціи“ редакторъ! Я, говорить, вамъ покажу кто такой г. Александровъ, восклицаетъ г. Баталинъ; знаете ли, что у г. Александра есть сестра нищая, которая собираетъ подаііе у паперги Казанскаго собора, въ то время, когда родной братъ ея ѣздитъ на рисакахъ. Обѣщается добратся до „тетки“, когда соберетъ матеріалы. Кто? я шпіонъ? спрашиваетъ Баталинъ. Нѣтъ, шпіонъ сидитъ въ редакціи „Молвы“ съ основанія газеты; онъ, говорить, доносилъ бывши студентомъ на своихъ товарищей и получалъ отъ генерала Тренова 50 рублей въ мѣсяцъ; я самъ это знаю, говорить, потому что бумаги эти проходили черезъ меня (!) когда я управлялъ „одною канцеляріею“!! (sic!).

Если хотите я его вамъ назову!.. Но не смотря на просьбы и угрозы „Молвы“ назвать это лицо—г. Баталинъ *стмолчится*, какъ ни въ чемъ не бывало! Что же это такое господа, журналисты? гдѣ мы? и что мы?.. Ужели слова г. Александра справедливы?

Для характеристики этой пресловутой „столичной“ печати, не могу удержаться, чтобъ не показать вамъ перлы „порнографической стилистики“. Г. Буренинъ, описывая вѣщность г. Александра говорить:

„Вообще впечатлѣніе вѣщности достаточно гнусное. Но г. Александровъ этого, кажется, не сознаетъ, по крайней мѣрѣ не сознавалъ въ этотъ разъ: онъ видимо, былъ доволенъ собою и порою поглядывалъ въ сторону публики, гдѣ за балюстрадаю въ первомъ ряду сидѣли двѣ, три дамы, весьма подозрительныхъ примѣтъ по всей вѣроятности изъ категоріи тѣхъ публичныхъ особъ, которыхъ защитникомъ является такъ часто г. Александровъ, славою и практикою среди которыхъ онъ такъ дорожитъ.“

Говоря объ эпитетѣ, данномъ г. Александровымъ своей клиенткѣ г. Буренинъ не щадитъ и публику:

„... Онъ отдаетъ „лакомую“ вдову на смѣхъ, если не всей собравшейся въ судѣ публики,—порядочная ея часть, конечно, приняла это адвокатское остроуміе за гнусность—то тѣхъ изъ ея среды, которые собрались съ спеціальною цѣлью рукоплескать г. Александрову за его краснорѣчіе.“

Вотъ какъ пародируетъ авторъ рѣчь Александра: кто такіе представители печати.?

„Кто эти обвинители? Это подкупленные явными прелюбодѣйками софисты и прелюбодѣй мысли, бѣжавшіе съ казенной службы, которою они были недовольны, потому что на ней не оказывалось возможнымъ соединить лживый либерализмъ съ набиваніемъ собственныхъ кармановъ. Вотъ кто

„наши строгіе цѣнители и судьи. Вотъ кто этотъ г. Александровъ“

Возражая на то мѣсто, гдѣ Александровъ намекаетъ на происхождение Буренина (сынъ свободного художника) этотъ послѣдній говорить, что гордится своимъ „демократизмомъ“:

„Я думаю, моя мужичья, раскольничья, демократическая кровь способствуетъ много той инстинктивной, непреоборимой ненависти, которая кипитъ во мнѣ не только ко всякимъ „благороднымъ“ . . . и корчащимъ „благородныхъ людей“ высочкамъ и . . . но даже и къ лакейско-либеральнымъ органамъ печати, которые кажутся „благородными“ . . . и высочкамъ подобнаго рода.“

О, порядочный и добросовѣстный защитникъ! Какою нахальной шуткой надъ вами самими звучитъ эта фраза въ вашихъ изогнутыхъ устахъ! Я дѣйствительно свободенъ отъ всякихъ стѣненій—не порядочностью и добросовѣстностью, а лицемѣрною деликатностью—свободенъ въ то время, когда я бросаю въ лицо свои обличенія разнымъ грязнымъ негодаямъ и лунамъ, фальшивымъ монетчикамъ и шулерамъ либеральнаго фразерства, продажнымъ сутягамъ и Еще бы я стѣнился съ вами, накладывая на ваши безстыднѣдые лбы клеймо смѣха или негодованія. Чортъ возьми! Да я жалѣю о томъ только, что мой талантъ не довольно силенъ, чтобы клеймить вашъ мѣдный лобъ такими клеймами, которыя прожигали бы его насквозь; я жалѣю о томъ только, что условія, въ которыхъ находится наша печать, позволяютъ мнѣ бичевать только мелкую шуштуру изъ вашего гнуснаго и растлѣннаго рода.

Въ довершеніе скандала маленькой эпизодъ. Въ «Молвѣ» появилось частное объявленіе на первой страницѣ, приблизительно слѣдующаго содержанія: «такъ какъ дознано, что самые ярые преслѣдователи евреевъ происходятъ отъ семитической расы, то предлагаю премію въ пять сотъ рублей тому, кто откроетъ, что въ жилахъ г. Буренина течетъ жидовская кровь!»

Вотъ представители столичной печати! Вотъ наши менторы! Происходи все это въ провинціи, вѣдь насъ бы заѣли; отпѣли бы отходную!.. Вотъ вамъ „вольнѣотпущенная пресса“!.. Представители большой столичной „простынной“ печати смѣшиваются свободно «слова» со свободою ругаться*).

ЧТО ДѢЛАЮТЪ БЛИНЫ.

Въ пятницу въ театрѣ произошелъ скандалъ, который ничѣмъ другимъ, кромѣ вліянія блиновъ и надлежащаго ихъ „заливанія“ объяснить нельзя. На афишѣ была объявлена опера „Жизнь за Царя“ съ госпожею Декарсъ въ роли Антонида. Въ 6 часовъ вечера г-жа Декарсъ сообщила г-ну Пальму, что она больна, почему г. Пальмъ вынужденъ былъ поставить изъ „Жизни за Царя“ только тѣ акты, гдѣ Антонидъ не участвуетъ, присоединивъ къ нимъ тѣ сцены изъ „Руслана и Людмилы“, гдѣ не участ-

*) Желаящихъ полностью прочесть перлы ругани „Новаго Времени“, посылаемъ къ № 1776 отъ 6 февраля. *Ред.*

вуютъ баритонъ и сопрано, такъ какъ г-жа Павловская и г. Павловскій, въше въ пятницу утромъ въ „Маскарадномъ балѣ“ и долженствовавшіе по объявленному репертуару пѣть въ субботу утромъ, само собою разумѣется, не имѣли физической возможности пѣть еще и въ пятницу вечеромъ. Тѣмъ не менѣе собравшаяся въ театрѣ публика неизвѣстно зачѣмъ вызвала г-жу Павловскую, оскорбляя подобными вызовами артистку и даже, какъ намъ сообщали, нѣкоторые «умные люди» изъ этой публики ѣздили на квартиру артистки узнавать дома она или нѣтъ. Мы съ своей стороны кромѣ масляничныхъ сытныхъ обѣдовъ съ возліяніями ничѣмъ другимъ не можемъ объяснить ни перемѣнъ въ назначенномъ репертуарѣ, ни въ устроенномъ нѣкоторыми „умными людьми“ скандала.

Въ половина десятаго г-жа Декарсъ явилась въ театрѣ и свѣла партію Антонида въ «Жизни за Царя».

ГОРОДСКАЯ ПОЧТА.

Михайловская улица. О—ку.

Вы пишете:

Цѣлуетъ страсть во мнѣ, бурлитъ,
Огнемъ восторженнымъ кипитъ..

Это если хотите и не душно, но ужъ слишкомъ огненно. Мы боимся опалить вашими стихами листы нашего журнала. Пошлите въ „Кавказъ“. Тамъ напечатать безопасно.. тамъ воды много.

Комендантская улица. Д—зу.

Вы очевидно гоняете на кордѣ вашего пегаса и онъ все вертится вокругъ одного и того же мѣста.

Сололани. Л—ву.

Присылайте. Посмотримъ.

Азтуру разсказа „Страшная ошибка“.

Продолжайте переводить съ французскаго. Это очень полезно, но только къ намъ своихъ переводовъ не присылайте.

ИНОГОРОДНАЯ ПОЧТА.

Бачу. Азтуру разсказа „Осель“.

Вашъ „Осель“ напечатанъ быть не можетъ уже по одному тому, что онъ длиннѣе собственныхъ своихъ ушей.

Петровское—Разумовское. Студенту Гаврилову.

„Фалангу“ продолжаемъ безвозмездно высылать для студенческой бібліотеки на имя студента Лазарева.

Кутаисъ. Малолѣтнему обличителю.

Вы просите сохранить вашу рукопись въ какомъ нибудь тайномъ мѣстѣ. Мы нашли для вашей рукописи такое „тайное мѣсто“ гдѣ ее навѣрно никто не прочтетъ.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

Въ понедѣльникъ, 23 февраля, послѣдуетъ выносъ тѣла Николая Васильевича Симборскаго изъ городской больницы.

Редакція „Фаланги“ приглашаетъ друзей и знакомыхъ покойнаго почтить его память, проводивъ его въ послѣднее жилище.